

Вениамин СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск

В КРАЮ ВОДОПАДОВ И ЛЕБЕДЕЙ

Осенняя дорога не скучна – сентябрьское разноцветье радует взор, рисуя все новые и новые картины чистыми красками, зеленая стена леса становится пестрой, разбавляется золотом берез, багрянцем осин и рябинок, время от времени за окном автомобиля мелькают синие озера и реки, темные ламбы, белеют штрихи облаков на сияющем голубиной небе...

В этом законном разнообразии путь становится легким и приятным. Во всяком случае на мой, пассажирский, взгляд. Впрочем, наш водитель Влад Ганюк тоже не жалуется, хотя ехать придется почти целый день. Сначала от Петрозаводска до Лоухи по трассе, а это 600 километров. Затем нужно свернуть на Пяозеро и проехать еще сотню километров, потом 60 до Национального парка «Паанаярви», куда мы и направляемся. И мы еще не знаем, что после этих шестидесяти предстоят еще 18 до моста через Олангу, а потом еще 6 до места, где стоит неподалеку от озера Паанаярви наш домик...

Едем втроем, инициатором поездки стал мой старый друг, известный фотограф и издатель Михаил Скрипкин, с которым мне приходится пу-

тешествовать по Карелии не впервые. Он постоянно пополняет свои огромные коллекции снимков и на этот раз решил обновить собрание видов Паанаярви, где не бывал уже десяток лет. Не удивительно, что так долго, путь неблизкий. Но на этот раз нам повезло, пусть далеко, но не так трудно, как могло бы быть, проходит дорога. Прокатиться с нами взялся мой товарищ Влад, ему интересно. Он впервые едет в этот северный национальный парк, как и я. Мои друзья быстро нашли общий язык, обсуждают места, по которым мы проезжаем, пока я просто люблю дорогу. Влад терпелив и, в отличие от многих других водителей, стремящихся скорее добраться до цели, с готовностью останавливается по просьбе Михаила, когда тот время от времени замечает удачный сюжет для нового снимка.

Национальный парк «Паанаярви» был создан постановлением Правительства Российской Федерации в 1992 году, но места эти были известны и прежде – еще на рубеже XIX – XX веков эту местность называли «финской Швейцарией», тогда территории относились к соседней Фин-

ляндии. Впрочем, на протяжении веков они не раз меняли хозяев. В средние века территории входили в сферу влияния Великого Новгорода, затем отошли к Швеции, как и другие финские земли. В 1809 году Финляндия стала частью Российской империи, сорок лет спустя, когда уточнялись границы Великого княжества Финляндского, озеро Паанаярви осталось за ним. Позже, во времена, когда Россию и Финляндию разделяли войны, менялась и граница. В 1917 году, когда Финляндия получила независимость, государственная граница здесь была весьма прозрачной, никто не хотел нарушать давние экономические связи, существовавшие у местных жителей как с финскими городами, так и с Беломорьем. Но в Карелии разразились события, взгляд историков на которые и сейчас различен. Иные называют их «карельской авантюрой», а кто-то – гражданской войной. В начале 20-х годов прошлого столетия Карелия тоже разделилась на «красных» и «белых» и брат шел на брата... В 1922 году граница была закрыта, Паанаярви стало частью Финляндии, по мирному Московскому договору 1940 года отошло к СССР, в годы Великой Отечественной здесь были финны, в 1944-м снова стало советским.

В 60-х годах в Карелии была построена Кумская ГЭС, а для нее было создано Кумское водохранилище, включающее в себя Пяозеро, Топозеро и другие озера и реки на севере республики. При строительстве ГЭС уровень воды в Пяозере был поднят на 9 метров, несколько деревень, в том числе находящаяся в устье реки Оланга, ушли под воду. Несколько позднее, уже в 80-х, стали обсуждаться планы создания водохранилища с использованием Паанаярви, а на самой высокой горе Карелии Нуорунен хотели организовать горнолыжный центр. Но тогда общественность республики выступила против этих планов. Благодаря настойчивости ученых, экологов, общественных деятелей было принято решение создать Национальный парк «Паанаярви», который включил в себя и озеро Паанаярви, и горы Нуорунен, Мянтютунтури, Кивакка, и реку Оланга, и другие реки с красивейшими водопадами. Национальный парк примыкает к границе с Финляндией, за которой также расположен национальный парк –

«Оуланка». Замена буквы в названии не должна смущать – это следствие особенностей произношения. В действительности через финский и российский национальные парки протекает одна река, которая у нас зовется Олангой, а за рубежом – Оуланкой. И по этой реке проходит уникальное стадо кумжи, не знающей границ, которая гуляет в российском Пяозере, а нереститься возвращается по Оланге в Финляндию...

Обо всем этом мы узнаем, когда делаем остановку в поселке Пяозерский, где расположен визит-центр парка «Паанаярви». Интересна история возникновения поселка. Мне рассказал ее один из известнейших специалистов лесопромышленного комплекса России Юрий Александрович Ягодников, немало лет работавший в Карелии. В конце 60-х – начале 70-х годов было решено организовать на севере Карелии Пяозерский леспромхоз. Его спроектировали, но думали, как строить. Все-таки север, не очень-то комфортные условия. В это время в газете «Правда» было опубликовано обращение компартии Финляндии с просьбой оказать содействие в трудоустройстве жителей северных районов Финляндии.

– Я пришел к первому секретарю Карельского обкома партии Ивану Ильичу Сенькину, говорю: «Сам Бог нам послал!» – рассказывал Юрий Александрович. – Иван Ильич поддержал идею, мы

направили свои предложения в Москву. Вскоре были приняты решения, мы вступили в переговоры с финнами. Наконец договорились. К этому времени у нас в Пяозерском было построено несколько деревянных домов. Мы предложили поселить в них финских строителей. Сначала соответствующие российские органы забеспокоились – как же людей с Запада поселить без ограничений в СССР? Мало ли что может случиться! Надо, мол, создать закрытую зону. Но мы протестовали, можно ли запираить людей? Мы гарантировали, что никаких проблем не возникнет, убедили органы. И финны приехали – 400 человек. В августе 1972 года состоялась приемка первой очереди: десять 40-квартирных домов, школа, детский сад, торговый центр, небольшая больница. В домах была горячая вода, система канализации и очистных сооружений, электроплиты и другие бытовые удобства. Мне позвонили из Совмина: «Ты что там построил? Дом отдыха? Там же нет производства!» Я тогда объяснил, что если есть дома, есть поселок со всем необходимым, то рабочие появятся. Производство мы и без финнов можем сделать. А в производстве без жилья смысла нет.

Эти финские аккуратные четырехэтажные дома и сейчас стоят в Пяозерском. Пожалуй, этими, не совсем обычными для России, домами он напоминает Костомушку, тоже построенную финнами.

Но сейчас Пяозерский леспромхоз не играет той роли, какую играл прежде. И, скорее, градообразующим предприятием для поселка является как раз национальный парк. Мы беседуем с Натальей Владимировной Бижон, сейчас она занимает должность главного специалиста по связям с общественностью. Это не случайно – парк она знает в совершенстве и сама стояла у истоков его организации.

– Национальный парк «Паанаярви» – федеральное государственное учреждение, финансируется Министерством природных ресурсов, – рассказывает Наталья Владимировна. – Мы сохраняем эту удивительную территорию, обеспечивая к ней доступ туристов из России и зарубежья, сохраняем для наших детей и внуков. Одно из важных направлений работы – экологическое просвещение. Это длительный процесс, но он дает свои плоды. Вы увидите, проезжая по дороге до парка, что даже на территории, прилегающей к парку вдоль дороги, уже нет мусора. Очевидно, что люди, побывавшие у нас, уже хотят, чтобы и везде вокруг природа сохранялась в чистоте.

Позднее мы убедились в правоте Натальи Вла-

димировны, действительно, обочины дороги, ведущей к парку, чисты. А в самом парке повсюду есть аккуратные ящики для мусора, более того, отдельные ящики для стекла, пластика... Этот мусор вывозится из парка на свалки, не остается там.

– Инфраструктура парка построена так, чтобы не вмешиваться в природу, не нарушать ее целостности, – продолжает Наталья Владимировна. – Для посетителей проложены специальные маршруты. Всего парк «Паанаярви» посещают примерно пять с половиной тысяч туристов в год, и это количество стабильно. Руководство «Паанаярви» не стремится увеличить поток, чтобы не нанести вред уникальной природе.

– Тогда могут ли все желающие к вам попасть? – волнуясь, уже планируя поездку с семьей.

– Это нетрудно, – успокаивает меня Наталья Владимировна. – Нужно только позаботиться заранее и заказать домик.

Всего в штате парка трудятся 46 человек, на них лежит вся работа, в том числе реализация многих программ. Так, одним из первых парк «Паанаярви» начал активную работу с детьми, развивая на своей особо охраняемой природной территории движение экологических лагерей. Постоянно осуществляются, причем на внебюджетные средства, различные проекты. Наталья Владимировна приводит в пример последние на данный момент: обучающие семинары по экологическому просвещению, проведенные совместно с финскими коллегами и специалистами других особо охраняемых природных территорий Карелии, ихтиологический проект по исследованию кумжи.

– Последнее в Карелии натуральное стадо кумжи находится в Пяозере, а ее нерестовые пути проходят по рекам на территории парка, – говорит Наталья Владимировна. – Два года мы занимались мечением кумжи, на рыбу крепились особые чипы, позволяющие наблюдать за ее передвижением. Наблюдение за стадом проходит постоянно, мы видим, что стадо стабильно сохраняет численность.

– А рыбаки могут ее ловить? – вспоминаю, что в машине у нас лежат спиннинги, хотя последний раз рыбачить приходилось, пожалуй, в детстве.

– Да, но рыбалка регламентирована. На Оланге вы порыбачить не сможете, но, может быть, удача улыбнется на Паанаярви.

Третий проект, о котором нам рассказали, это обустройство инфраструктуры парка – строительство кордона, создание туристской тропы на Киваку, организация выставки в визит-центре,

на открытие которой 18 декабря 2014 года приехали гости из Финляндии и России.

Мы познакомились с этой выставкой, скорее – небольшим музеем, где представлены не только стенды с информацией о парке, но и следы пребывания человека на этой территории от скребков, которыми пользовались древние люди, до почти современных прялки, домашних жерновов, топора, мотыги, деревянного ковша для сбора ягод и даже патефона, радовавшего жителей столетие назад. Тут же размещена фотовыставка, на которой мы с удовольствием находим несколько снимков Михаила.

Начальник отдела по экологическому просвещению Анастасия Викторовна Протасова рассказывает о растительном и животном мире парка:

– У нас произрастают 623 сосудистых растения, из них 17 растут в Карелии только у нас, например краснокнижный качим пучковатый. Есть мхи, лишайники. Порядка 60 видов растений занесены в Красную книгу Карелии. В парке можно встретить более 400 видов птиц, в том числе включенных в Красную книгу орланов белохвостых, беркутов, скоп, филинов, неясителей. Очень много воробьиных, околотовных, та же краснозобая гагара. Животных в парке 37 видов – классические таежные. А лебедям так нравится в «Паанаярви», что они часто остаются на зимовку парами, живут здесь на болотистых закрытых местах рядом с водоемами.

Все же лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Простившись с гостеприимными хозяевами визит-центра, выписав разрешения на рыбалку, обзаведясь проспектами и буклетами, мы продолжаем дорогу. И, еще не добравшись до парка, начинаем знакомство с его животным миром. По просьбе Миши, вновь начавшего колдовать над фотоаппаратом, делаем небольшую остановку у речки, пересекающей путь, и замечаем, как две норки, завидев нас, метнулись к прибрежным камням. Одна из них исчезла сразу, а вторая, спрятавшись, все-таки всунула мордочку и несколько секунд рассматривала непрошенных гостей.

Миновали озеро с песчаным берегом и частой водой. И вот в створе дороги вырастает вдалеке гора. Придорожные деревья уже прячутся в тени, а гора освещена солнцем. Сосны, ели, березы, осины на ней напоминают глубокую сцену в театре, когда один за другим видны декорации для разных картин – вот желтый занавес, за ними темный, потом золотящийся на солнце, следующий – серо-фиолетовая гора и, наконец, светлоголубое прозрачное небо...

Это гора Кивакка, одна из самых высоких в парке и в Карелии. Она хорошо видна от шлагбаума, преградившего дорогу, хотя добираться до нее еще довольно долго. Из большого бревенчатого нового дома нам навстречу идет мужчина в камуфляже. По рации – поскольку здесь нет иной связи и наши мобильники молчат – сообщает о нашем прибытии инспектору, ожидающему у моста через Олангу.

Мы продолжаем путь по грунтовой дорожке, где не развить большую скорость. Влад печалится, что взял машину с низкой посадкой, а не внедорожник, который хоть на трассе и потребляет больше, но по лесам на нем ездить удобнее. Ничего, в следующий раз учтем.

Вот и пост – несколько домов, в которых живут туристы. Возле одного из них стоит ладья, сейчас она просто служит украшением, а несколько лет назад возила гостей по Паанаярви. Ныне ее сменило другое судно. От ладьи к нам спешит Татьяна Егоровна Юнгина, тепло здоровается с Михаилом – они встречались во время его последнего визита. Знакомимся, планируем завтрашний день. Осталось преодолеть последний отрезок пути – самый короткий, но самый трудный. Дорога суживается, время от времени круто поднимается в горку, преодолевает преграды. Мы слышим, как стучат камешки по днищу машины. Сгущается темнота, мы едем над Олангой, свет фар выхватывает мощные сосны, суровые замшелые камни, реже – желтолистые березки. А вот и место стоянки!

На территории парка есть несколько групп туристических домиков, рассчитанных на группы аж до 18 человек. Как правило, возле каждой группы домиков поставлена баня, организована стоянка для автомобилей.

Выгружаем вещи, рассуждая, что напрасно по дороге не запаслись березовыми вениками. И я делюсь с детства усвоенной мудростью:

– Веники вязать надо, пока лист на березе...

– С пятикопеечную монету! – заканчивает Влад. (Разумеется, речь идет о советском пятике, сейчас нужно бы говорить о монете пятирублевой.) – На самом деле это ерунда. Веники можно вязать в любое время, когда на березах нет сережек, а то они в парилке растрещатся и все тело покрывают.

Не спорю с Владом, он вырос в поселке, а не в городе, и в таких вопросах разбирается, наверное, лучше нас.

Знакомимся с местностью уже в глубоких сумерках. Миша, привычный к путешествиям, захватил два довольно мощных фонарика, и это упрощает дело. Нас поселили в доме, рассчитанном на девять человек. Называется он «Поплавок», видимо, потому что находится в нескольких шагах от Паанаярви. Срублен дом из сухой сосны, теплый, уютный. Посередине стоит печь, разделяющая помещение пополам. В одной половине – большой стол и лавки, одна из них довольно широкая – спальное место. Во всю ширину второй половины раскинулись полаты с четырьмя матрасами. Столько же матрасов и на чердаке.

Рядом с домом стоит дровяник, срубленный из такой же сосны, он смотрится сказочной избушкой. Топор и колун лежат тут же. Неподалеку обустроено кострище – толстая металлическая сетка на кирпичках, на скамейках рядом поставлены закопченные кастрюли, два чайника. Недолго решаем, где будем греть чай – на улице или в доме. Метрах в пятнадцати сквозь деревья мы видим, как весело пляшет костер у наших соседей. Вроде бы они близко, но, отделенные соснами, кажутся далекими и потому не мешают.

Все же решаем топить в доме, все равно перед ночью надо согреть помещение. Я пробую растопить печку, нащепав лучинок от полена, но огонь не хочет разгораться. Найденная в кармане пачка от сигарет сгорает, не запалив дерева. Ворчу, мол, дрова сырые, и выхожу к машине за вещами, а Влад идет навстречу с рюкзаком... когда я возвращаюсь, огонь в печке уже гудит.

– Дрова только сверху сыроваты, – объясняет Влад. – Наколоч, лучинки нащепал из середины.

Молча беру ведра и иду к озеру. С огнем не вышло сразу, так с водой получится! На берегу стоит домик инспекторов. В нем уютно горят окна – у них электричество есть, работает генератор. Говорят, для зимних туристов такая возможность предусмотрена – генератор можно привезти с собой или взять здесь, но в сентябре можно обходиться и без него. На самом берегу Паанаярви, блестящим под небом, на котором стали появляться звезды, стоит баня. Мостки от нее ведут прямо в озеро, и я зачерпываю полные ведра. Мысленно пытаюсь убедить себя, что отсутствие привычных удобств – это радость. В конце концов, не так уж часто удается окунуться в тишь без Интернета и мобильной связи, без электричества и газовой плиты...

Поставив воду у дверей, захожу и вижу, что Влад уже ставит на столе набор чистых котелочков и походную плитку, работающую от газовых баллончиков.

– А я всегда их с собой вожу на всякий случай, – объясняет, перехватив мой взгляд.

Миша уже достал взятые нами припасы, а теперь расчехляет штатив для фотоаппарата, готовясь к вечерней съемке:

– Татьяна Егоровна сказала, что вчера северное сияние было в полнеба. Может, мы увидим.

...Сначала оно показалось каким-то неясным туманом, растянутом в небе под Большой Медведицей. Потом вдруг заиграло – вытянулось в один луч, и вот уже многие лучи, словно испускаемые неведомой невидимой звездой, пронизывают сумеречную небесную ткань. Потом вновь превращаются в протяженное белесое облако, а затем начинают играть оттенками радуги... Северное сияние бывает видно и в Петрозаводске, но там оно бледнее и часто почти неотличимо от неясной туманной дымки. Здесь, конечно, красивее. Когда-то в детстве я прочел книжку о Крайнем Севере, говорилось в ней и о северном сиянии, а на картинках так ярко были изображены цветные сполохи, что я вижу мысленным взором эти иллюстрации и сейчас. Правда, не думал, что получится узреть цветное северное сияние воочию. И вот – сбылось.

– Звезда падает, – говорит Влад.

– Успел загадать желание? – спрашиваю и тоже вижу падающую звезду. Она стремительной искрой прочеркивает небо и скрывается за лесом – никакое желание загадать не успеешь... Повернувшись, вновь вижу звезду, на этот раз неспешно опускающуюся на землю. И устаю перечислять желания, пока она неторопливо летит по своему пути...

Северное сияние выгнулось петлей, захлестнувшей темноту, замелькало бледными зелеными, голубыми, алыми оттенками, то более яркими, то размытыми. Миша снимал, наверное, целый час. Затем мы отправились спать, но заснуть у меня не получалось, я слышал шум порога на Оланге, бегущей поблизости, и то и дело выходил на улицу, чтоб еще и еще раз увидеть, как играет в темном небе туманное чудо.

Когда я проснулся, Миши в домике уже не было – отправился на охоту за интересными кадрами. Семь утра, солнце уже встало, на улице светло и тихо, нет ни ветерка, все так же отчетливо слышен шум порога. На траве и ветвях еще нет инея, но кажется, что его не хватает – еще чуть-чуть и утра будут морозными. Это впечатление усиливает иван-чай, растущий прямо возле дома, он

чутко пригнулся от холода и влаги, белый пух, в который превратились цветы, лежит на зеленых стеблях как иней. Дом стоит среди могучих сосен и молоденьких елей, елочкам зябко этим утром, они застыли в безмолвии, меж стволов стелется черничник. Я пробую ягоды, но они не очень вкусны, видимо, перестояли, подмерзли.

Между домом и дорожкой, ведущей к озеру, разросся малинник, ягоды на нем тоже мелкие, хоть аж бордовые – они дозревали уже в прохладную погоду.

Иду за водой, левый берег Паанаярви покрыт высокими стройными островерхими соснами, он уже осветился солнечными лучами, а за единственным на озере островом, что закрывает вход в наш заливчик, вдалеке висят розоватые облака. За ними дальше берег не просматривается, только верхушки деревьев на высоком берегу виднеются в тумане, стелющемся над озером.

Входя в дом, автоматически хлопаю ладонью по стене.

– Что, выключатель ищешь? – улыбается Влад.
– Я тоже себя на этом ловлю.

Уже через час туман растаял, я вновь стоял на берегу Паанаярви, любясь освещенным ярким солнцем островом, на котором можно было рассмотреть каждое деревце, и сопками за озером, покрытыми стеной стоящими соснами. Стоял и думал, сколь обделен человек, лишаящий себя возможности постоянно видеть эту красоту природы, запирающий себя в городе. Почаще бы выезжать в такие места...

И ведь есть люди, чувствующие то же! Там, на берегу Паанаярви, мы встретили человека, который однажды решил, что и ему нужно чаще видеть природу. Московский врач Павел Иванович, которого здесь хорошо знают и зовут только Доктором, приезжает в эти места ежегодно с 2003 года. Однажды, будучи в депрессии, позвонил другу и попросил посоветовать, куда можно отправиться отдохнуть, – где хорошая экология и немного людей. Друг, бывавший здесь, и посоветовал Паанаярви. Нет, Павел Иванович бывал на российском севере и раньше. Но именно здесь, где люди друг другу не мешают, где природа не губится, а, напротив, живет по своим естественным законам, он нашел для себя любимое место.

– Помню 21 августа 2003 года, первые заморозки с шикарным северным сиянием, – рассказывает Доктор. – Я вышел к костровищу, стал рубить дрова скрюченными руками. Сцена, как в фильме ужасов, – темнота, из лесу выходит мужчина с бородой, в капюшоне, становится рядом и

молча наблюдает за моей работой... Огонь у меня стал чуть-чуть разгораться, и мужчина заговорщицки так: «У меня есть чем согреться!» Я говорю: «Давай!» Оказалось, это был главный охотвед одной из северных российских областей. После этого я перестал бороться с этой природой, перестал с ней воевать, вводить свои правила, а стал просто с ней сосуществовать. Это был первый момент, после которого я к этим местам прикипел. А второй... Приехал примерно в это время, было довольно холодно. Мы остались с инспектором, он истопил баньку, я напарился, налил себе коньячку, взял сигару, вышел, взглянул на закат... Вы сами баньку любите? Натопишь, попаришься, искупаешься и поймешь, что жизнь удалась. Таких красот я пока не видел нигде. Говорят, здесь энергетические места, я этого не понимаю, но то, что здесь глаз радуется и душа умиляется, – действительно так.

Павел Иванович уже собирался домой, но, едва отъехав, сломалась машина.

– И как вы?

– Встал на дороге, мимо проезжали ребята, я попросил, чтоб сообщили на кордон, что Доктор сломался. Через час сорок уже была помощь, машина в Пяозерском, ее местные умельцы ремонтируют. Сделают – поеду.

– А чем вы питаетесь тут месяцами?

– Я очень люблю рыбу, поэтому питаюсь просто. Беру с собой гречку, кофе, сливки, сигары, виски, а все остальное – что поймал. Приехал – был 98 кг, сейчас – 92, при этом ни в чем себе не отказываю. Динамика, бегаешь постоянно. Сломалась машина, но у меня большая радость, что вновь застану здесь осень. Осина – красная, береза – желтая, елки – зеленые... Северная красота.

– А как рыба? Что попадает? – интересуется подошедший к нам Влад.

– Попадает все! – машет рукой Павел Иванович. – Щука здесь фантастическая, по вкусу похожа на свинину, сиг, хариус, кумжа, а килограммовых окуней просто отпускаю!

Дорога проходит вдоль Оланги, мы часто останавливаемся, Миша фотографирует то ламбу, то хвойный лес в нарядах разных оттенков зеленого – от светло-салатового до почти черного. Справа поблескивает река, под рябью чистой воды темнеют гладкими спинами камни.

На мосту к нам в машину садится Татьяна Егоровна, и мы продолжаем путь вместе.

Татьяна Егоровна долгое время была в Кестеньгском лесхозе инженером по охране леса.

Кестеньга – это поселок на дороге от Лоухи до Пяозерского. В 1995 году Татьяну Егоровну пригласили на работу в национальный парк, и почти 20 лет она работала в отделе охраны государственным инспектором, смотрела, чтоб не было нарушений в парке, чтоб соблюдался режим особой охраны территорий.

– И браконьеры здесь бывали?

– Браконьеры есть, они и сейчас встречаются, – как-то грустно говорит Татьяна Егоровна. – Если человеку что-то делать нельзя, ему очень хочется это сделать.

Мне не хочется этому верить, когда я смотрю на проснувшуюся, пестрящую чистыми осенними красками природу.

Мы подъезжаем к Вартиолампи. Некогда, сотню лет назад, здесь было два десятка дворов, дома все как один смотрели окнами на Олангу и возвышающуюся над ней Кивакку. Это была деревня карельских староверов, торговцев, земледельцев, рыбаков и охотников. Сегодня о ней не так чтобы очень много сведений осталось, путешественники сюда заглядывали редко и не оставили воспоминаний. Но все же на табличках, установленных у дороги, размещено немало информации. Так, узнаем, что километрах в 20 отсюда проходил торговый путь, связывавший Вартиолампи с Беломорьем, деревенские коробейники торговали и в Архангельской губернии, и в Финляндии. Мужчины занимались на рыбную ловлю, могли добраться до Норвегии. Женщины оставались дома, выполняя всю работу по хозяйству в ожидании мужей и отцов. Здесь выписывали газеты из Оулу, хотя школы не было, но народ был грамоте обучен. Причем знали не только карельский язык, но и русский, и финский, и шведский, и норвежский – знание языков помогало зарабатывать.

Откуда же здесь староверы? В эти северные карельские леса уходили приверженцы старой веры после разгрома Соловецкого монастыря, сопротивлявшегося реформам патриарха Никона.

Жители Вартиолампи охотились, рыбачили, сеяли рожь, разводили коров, овец, лошадей, а кур и свиней не держали. Главным животным был олень, и семьи обеспеченные держали стада до двухсот голов.

С началом прошлого века в районе началось активное промышленное развитие, появились лесоразработки, строилась Мурманская железная дорога, на строительство которой из деревни ушли 9 человек.

Революция, конечно, внесла изменения – зак-

рылась часовня, был создан колхоз. Часть жителей ушла в Финляндию, от которой Вартиолампи отделяли 12 километров, часть осталась. С началом войны жителей эвакуировали, а в годы войны деревня была сожжена. Восстанавливать ее не стали, здесь не было дорог, а потому и смысла в отстройке нового жилья не увидели.

– А потомки жителей и сейчас живут в районе, – говорит Татьяна Егоровна. – Кто в Кестеньге, кто в Лоухи.

Место, на котором стояла деревня, поросло высокой травой, лес его еще не захватил. О деревне напоминают ямы от погребов, остатки фундаментов, скрытые в траве, да старый сеновал. На месте заброшенного кладбища вырос ельник, на месте часовни – березка.

Но теперь вдоль Вартиолампи проходит дорога, по которой мы приехали. Стоит здесь и новый дом, построенный по образцам прежних. Но в него мы заглянем на обратном пути, а пока проходим мимо.

Татьяна Егоровна рассказывает о детских экологических лагерях, проходящих именно здесь. Для ребят построено большое закрытое костровище, такой вигвам, где можно проводить занятия в непогоду. А занимались здесь дети под руководством ученых из Карельского научного центра РАН изучением природы, одни – растениями, другие – рыбами, третьи – муравьями. Одних муравейников на большой поляне насчитали 97!

Татьяна Егоровна быстро шагает, и мы стараемся поспевать за ней. Подтянутая, в камуфляже, она явно чувствует себя здесь как дома. Работа экскурсовода не сказать чтобы очень легка. По этой тропе хожено множество раз, да по другим тоже.

– Бывает, по два раза в день на Кивакку сбегает, – смеется наш экскурсовод. – А что делать? Туристы просят...

А после этих прогулок еще и забота о тех, кто приехал отдохнуть и погулять – в ведении Татьяны Егоровны четыре домика и четыре палаточных стоянки. Да и из других мест отдыхающие приходят за консультациями, поскольку знают, что лучше Татьяны Егоровны парк мало кто знает. А вечерами тем же отдыхающим нужно баню истопить, да не по разу.

Какое-то время идем по дороге, она является частью зимнего маршрута, по ней туристов возят на санях, прицепленных к снегоходу.

– В конце февраля – начале марта на наших горах красотища, – рассказывает Татьяна Егоров-

на. – Деревья укутаны снегом полностью, неземной пейзаж.

Но нам выпало побывать здесь в сентябре, о чем не жалею. Вдоль дороги угадываются некогда вручную вырытые жителями мелиоративные канавы. Землю нужно было осушать, чтобы она давала рожь, ячмень, даже пшеницу. Крестьянский труд не был легким, но жители здешних мест отличались трудолюбием. Теперь же в этих старых канавах уже растут деревья.

Дорога идет дальше. А мы сворачиваем к Оланге и идем по лесу, покрытому черничником, время от времени срывая ягоду, поджидая Михаила.

– Когда все идут четыре километра, фотограф проходит восемь: влево-вправо, вверх-вниз, – смеется Миша, догоняя нас.

А мы не спорим, эти остановки дают возможность осмотреться, не мельком увидеть, а впитать в себя красоту осеннего леса, познакомиться с ним. Тропинка покрыта переплетением корней елей и берез. И вот Татьяна Егоровна обращает наше внимание на пример борьбы за выживание: за место под солнцем борются елочки и березы. Хлипкие вроде бы ветви березки охлестывают молодую ель, выбивая у нее верхушечки. Еловый подрост погибает, перед нами – сохнувшие елочки, а победившие в этой схватке березы тянутся ввысь. На делянках, там, где после вырубки ведется лесовосстановление, лиственные породы вырубает, чтоб они не мешали расти более ценным сосне и ели. А здесь, в естественных условиях, каждый отвечает за себя...

Минуем полянку, на которой некогда стоял карельский хутор. Сейчас об этом можно догадаться только по тому, что лес еще не вообрал полянку в себя, она покрыта зарослями иван-чая.

Останавливаемся на пригорке, покрытом таволгой, распушившей свои белые цветочки-елочки, и васильками, но не привычными синими, а розовыми, вырастающими будто из маленькой ананасной шишечки. Впрочем, васильков существует семьсот видов, и тот, на который смотрим мы, весьма распространён в наших местах. А слева Оланга степенно несёт свои воды к недалежному порогу, шум которого уже слышен. Идем дальше и сквозь деревья видим противоположный берег с золотящимися под солнцем деревьями. У берега коленчатыми пиками оцетинился хвощ, зеленеют островки осоки.

Через влажные и мшистые места на тропинке проходим по тротуарам из мощных плах, соединенных деревянными нагелями. Такое соединение надежнее, чем гвозди. Те вскоре начнут вы-

лезать из дерева, а нагеля намокают и сохнут вместе с плахами тротуара. Тропинка обустроена тротуаром не столько для нашего удобства, сколько для сохранения растительного покрова. Нас, туристов, может быть много, вытоптать растительный покров легко.

– А лебедей мы встретим? – интересуется Михаил.

На мосту через Олангу, где мы встретились с Татьяной Егоровной, один из туристов сообщил, что каждый день встречает в лесах парка лосей. Не знаю, так ли это, но о встречах с лосями рассказывают и другие. Нам же из животных попалась только мышка-полевка, перебежавшая дорогу. А Михаилу, конечно, хочется снять кого-то иного.

– Лебедей здесь много, – говорит Татьяна Егоровна. – Но если специально пойдешь их фотографировать, вряд ли встретишь...

И тут в лесной тишине над Олангой раздаётся громкий, отчетливый крик лебедей!

– Лебеди летят, лебеди! – не сдерживаюсь я, и Миша вскидывает фотоаппарат, щелчок за щелчком снимая грациозных птиц, летящих над самой водой. Пара лебедей летит на фоне Кивакки, раскинув белые крылья и вытянув длинные красивые шеи...

Я не жалею, что не взял с собой фотоаппарат. Во-первых, есть снимки фотомастера, а во-вторых, мне было обидно смотреть на птиц через эту машинку, работая, а не просто любясь их природной красотой, потому что лебеди, летящие над Олангой, это одно из самых ярких впечатлений путешествия, запомнившееся надолго. У национального парка много символов, это и горы, и редкая краснокнижная орхидея Венерин башмачок, и кумжа, и водопады, но для меня теперь с «Паанаярви» ассоциируется именно эта картинка – парящий вдоль реки лебедь.

Мы проходим мимо укрепленного на дереве сооружения, напоминающего скворечник, только размером побольше.

– Это гоголятник, – поясняет Татьяна Егоровна, – для уток.

– Гоголь – утка, нечто среднее между чирком и кряквой, – говорит Влад, когда я удивляюсь, протиснется ли утка в сделанный для нее домик сквозь небольшое отверстие.

Гоголятники строили в этих местах издавна, укрепляли их на достаточной высоте, чтобы хищные звери не могли достать. Татьяна Егоровна рассказывает:

– Карелы не держали кур, считая их грязной птицей. Курица не моется в воде, только пырхает в пыли, а утка – в воде постоянно. Домашней птицы не было, но местные жители собирали яйца чаек и уток, при этом был строгий закон – больше трети кладки не брать. Так наши предки сохраняли животный мир для нас, теперь нам бы его сохранить для детей и внуков. Кстати, когда по этой тропе идут детские экскурсии, ребятам дают задание на внимательность, им нужно сосчитать, сколько здесь построено гоголятников. Попробуйте и вы, – предлагает наш экскурсовод.

Сразу скажу, что я увидел только два, но Татьяна Егоровна сообщила, что их больше, а точное количество не назвала, предложив приехать еще раз и повторить попытку. И я думаю, что с удовольствием вновь здесь побываю, даже если так и не увижу все сооруженные сотрудниками парка гоголятники. Просто снова хочется увидеть эти места, которые сейчас, после поездки, встают перед мысленным взором, и я вспоминаю блестящую рябь Оланги, суровые камни, поросшие лишайником, молодую елочку на берегу, изогнувшую ствол, будто устремленную в полет за лебедями...

Слева от тропы построили себе огромный дом муравьи, этот муравейник высотой, наверное, чуть ли не в метр и в диаметре метра полтора. По поверхности, усыпанной сухими березовыми листочками и сосновыми иголками, деловито в разных направлениях снуют хозяева, каждый занят своим делом: кто-то тащит обломки веточек, кто-то кантует уже неживую мушку...

– Не устали? – спрашивает у нас Татьяна Егоровна. – У муравья – самого сильного существа на свете – мы можем попросить силы и помощи.

Она растирает ладони, чтоб немного разогреть их, тихонько кладет на муравейник, и любопытные муравьишки сразу забегают на руки, исследуя незнакомое явление. Подержав ладони на муравейнике с минуту, Татьяна Егоровна говорит:

– Спасибо, ребята, теперь я возвращаю вас обратно!

Она несколько раз энергично взмахивает ладонями, а потом подносит их к лицу и делает глубокий вдох.

По ее примеру я делаю то же самое. Муравьи щекочут кожу, стряхиваю их через некоторое время и вдыхаю запах... Никакого нашатыря не нужно, когда есть этот природный запах, резкий, но, я бы сказал, очень свежий, будто очищающий голову.

– Сильно щиплет? – спрашивает Михаил, опасно наблюдая за моими манипуляциями.

– Совсем не щиплет, – честно отвечаю я, и мой товарищ повторяет действие.

– А теперь, – рассказывает Татьяна Егоровна, – мошка не будет садиться на руки и лицо, это такая давняя естественная защита.

Наверное, так и есть, правда, паанаярвские комары и мошки и так нам не особенно досаждали. Может, сентябрь для них уже достаточно холодный месяц, чтобы проявлять активность.

Впереди мы слышим шум бурлящей воды, но это еще не водопад, это Иванов, или Мельничный, порог. Свое название он получил от имени мельника Ивана, некогда державшего здесь мельницу, на которую свозили зерно из округи. Мы располагаемся на большом каменном выступе, наблюдая, как вода Оланги, густая-густая, будто масло, входит в порог, как играют на ней солнечные блики, как в камнях вода взбивается белой сливочной пеной. На камни выходят сосны и елочки, можжевельник, аккуратно заползают кусты брусники, будто не решаясь проникать дальше на солнце из своего тенистого укрытия. Мы любимся золотистыми деревьями в створе реки.

В заливчике у порога с тихим плеском заиграла рыба.

– Это хариус, – поясняет Татьяна Егоровна. – Кумжа играет иначе, она выпрыгивает из воды и, поворачиваясь в воздухе, падает на воду плашмя, будто массаж себе делает.

Пьем воду и не можем остановиться, настолько она чиста и вкусна, даже кажется сладкой.

На другом берегу реки видим сосну с шарообразным наростом из ветвей вблизи верхушки. Это так называемая «ведьмина метла», проявление заболевания дерева, когда ветви на определенном участке начинают делиться в геометрической прогрессии, образуя шар. Татьяна Егоровна говорит, что чаще такие наросты бывают на березе, а здесь – на сосне. Мне приходилось видеть такие «ведьмины метлы» на лиственных деревьях на юге, в Карелии же встречаю впервые.

– У финнов это явление имеет более романтическое название, – рассказывает Татьяна Егоровна. – Они называют такие шары из ветвей гнездами ветра.

Трудно перечислить все природные красоты, которые встречаются нам на пути. И вот еще одна – выступающий из воды валун.

– А это русалочий камень, не хуже, чем в Копенгагене, – сообщает Татьяна Егоровна. – Часто бывает, что, когда я подхожу, русалка сидит на нем, но, услышав мое приближение, ныряет в реку, прячется, не хочет, чтоб ее видели.

Тон Татьяны Егоровны спокойный, будничной, я не понимаю, правду она говорит или на ходу придумывает легенду.

– Но однажды я русалку увидела, – продолжает Татьяна Егоровна. – Мы шли с молодой парой из Петербурга, и я рассказывала им об этом камне, говорила, что очень хотела бы застать там русалку. Мы с паренком стояли здесь, а девочка отлучилась ненадолго, мы озираемся и вдруг слышим плеск у камня, смотрим – на нем сидит русалка, плавно поглаживая волосы... Посмотрела на нас, подмигнула. Соскользнула с валуна и скрылась в реке... Жаль, что девочка русалку не увидела, она подошла только несколько минут спустя.

Татьяна Егоровна рассказывает эту историю очень серьезно, только в конце хитро улыбается.

– А водяные здесь не водятся? – подыгрываю я, раздумывая, не слишком ли холодна вода.

– Нет, они пониже встречаются, – говорит Татьяна Егоровна. – Может, увидим их.

Но вместо водяного мы встретили на тропе браконьера. Сначала навстречу нам с лаем выскочил серо-черный сеттер, а за ним мы увидели мужчину в камуфляже с ружьем.

– Вертикалка двенадцатого калибра, – определяет Влад. – У меня такая же дома.

Мужчина явно смущен встречей.

– Здравствуйте, вы знаете, что находитесь на территории национального парка? – подходит к нему Татьяна Егоровна.

Мужчина начинает объяснять, что находится здесь случайно, мол, приплыли с сыном на лодке со стороны Пяозера, что не знает о заповедной территории, а ружье вообще не заряжено...

– Извините, но вас сейчас встретят, – говорит ему Татьяна Егоровна и тут же по радиации связывается со своими коллегами и сообщает им о нелегальном «госте». – Здесь два человека с собакой.

– Собаку не трогайте! – громко возмущается охотник.

Но никто ее трогать не собирается, просто просят взять на поводок. Нахождение собак на свободном выгуле недопустимо, как нам позже рассказали. В национальном парке поддерживается естественная среда обитания для животных, собаки в таком лесу, которые могут, например, заразить местных обитателей своими болезнями или сами стать пищей для рыси или волка, конечно, неуместны.

Татьяна Егоровна просит нас подождать, а сама уходит с охотником.

– Забавно, – говорит Влад. – Тропа деревянны-

ми плахами выложена, стенды с информацией стоят, очевидно, что территория охраняется, а этот товарищ говорит, что не знает об этом. Все равно что в зоопарк пойти поохотиться...

Проходит несколько минут, и Влад начинает беспокоиться:

Татьяна Егоровна одна, а мужик – с ружьем...

Я тоже об этом думаю и поднимаюсь с камня, на котором мы сидим:

– Пойдем!

Но только мы встали, как показалась наш экскурсовод. Она рассказала, что «гости» переданы в надежные руки, что теперь им грозит штраф и хорошо, если они окажутся без охотничьей добычи, а то штраф многократно увеличится. Впрочем, выстрелов мы не слышали.

– Это только кажется, что здесь нет людей, – улыбается Татьяна Егоровна. – На самом деле любого браконьера очень скоро увидят и, конечно, накажут.

Мне трудно описать чувства от встречи с этим «человеком с ружьем», настолько он был чужд в тихой природе парка. Слон в посудной лавке, осиновый кол, торчащий из именинного пирога... Да, когда-то в этих местах охота и рыбалка обеспечивали местное население пищей, но даже тогда жители относились к природе осторожно. Чего стоил неписанный закон не брать больше трети кладки птичьих яиц! Теперь же появиться здесь с ружьем – это нанести оскорбление не только людям, охраняющим заповедный край, но и памяти о предках, самой природе...

Однако природа умеет зарубцовывать раны, так затягиваются и неприятные воспоминания, остается только тихая радость от того, какими пейзажами радовал нас Национальный парк «Пананаярви».

Перешагивая через широкие камни, окруженные по сторонам брусничником, мы постепенно поднялись на скалу, с которой открывался красивый вид на вершину водопада Киваккаоски. Водопад получил свое название от горы, возвышающейся за Олангой, а слово «коски» по-фински означает порог, падун, водопад. Справа от нас скалистый остров, поросший елями и березками, река разделяется, перед тем как броситься со скалы вниз, разбиться о камни, а после еще и еще раз повторить этот трюк.

Проходим чуть дальше по течению и оборачиваемся – по обеим сторонам реки вырастают скалы, здесь можно осознать мощь реки, пробившей себе путь сквозь каменные толщи. К водопа-

ду склоняется рябинка с покрасневшими листьями, а навстречу ей с другой стороны тянется золотистая березка. Под верхним уступом водопада небольшая чаша, в которой кумжа набирается сил, чтобы затем совершить прыжок вверх, преодолевая валы бурлящей, пенящейся белыми кудрями воды.

Спускаемся по берегу, постоянно оборачиваясь, каждый шаг – и новый прекрасный вид. И вот мы миновали Киваккаоски, стоим на остатках каменной стены, сложенной столетие назад вручную, когда по реке шел сплав леса. Может, и не гиганты укладывали эти камни, но точно строители были людьми, имевшими великое терпение, силу, надежду, трудолюбие. Такой труд не может быть скорым и легким.

Обернувшись, мы смотрим на карельский Игуасу, раскинувшийся во всей красе – семью уступами с высоты в дюжину метров разлившаяся на сто метров Оланга устремляется вниз. Над водопадом висит туманное облачко водяной пыли, в камнях играет пенное варево. Остается только удивляться, как может настойчивая кумжа преодолеть такое препятствие! Киваккаоски считается самым мощным в Карелии нерегулируемым порогом, каждую секунду вниз падает около 63 кубометров воды. Конечно, это средний объем, меняющийся в течение сезонов.

Далее вода спешит в Пяозеро, находящееся в четырех километрах, откуда и возвращается по Оланге кумжа.

Татьяна Егоровна обращает наше внимание на небольшую иву, и кажется, что дерево из последних сил цепляется своими корнями за камни, рискуя быть смытым бурным потоком.

– Каждый год гадаю, удержится ли, – улыбается Татьяна Егоровна. – Крепко стоит!

Это напряжение воли, упорство чувствуются здесь во всем – в усилиях ивы, растущей корнями в скалу, в кумже, способной преодолеть такие препятствия, в Оланге, пробившей себе русло сквозь камни, в каждом дереве и цветке, растущем под северным небом... Но при этом зримо ощущается и спокойная мужественность карельской природы, рождающей терпеливые, настойчивые и нешумные характеры.

Мы почти достигли конечной точки нашего маршрута, остается сделать всего несколько шагов, и мы отдыхаем на маленькой полянке. Сидя на камне, замечаем, как из лесу подмигивают красными глазками земляника и костяника.

А потом мы купаемся. И вода, конечно, холод-

на, но тот не может считаться жителем Карелии, кто осенью не рискнет искупаться. А будет это теплая лесная ламба, студеные воды Онего или Белого моря – это уж как повезет. Нам не хочется и отставать от Татьяны Егоровны, хоть она и купается в Оланге ежедневно, утверждая, что река дарит ей силу и здоровье.

На обратном пути делаем остановку в Вартиолампи. Навстречу нам идет пожилая пара, тепло приветствующая Татьяну Егоровну. Они делятся планами на вечер:

– Мы идем посмотреть на закат. Там дальше есть два замечательных пенечка, посидим, полюбуемся...

Влад тихо спрашивает у меня:

– По-твоему, это счастье? Ты бы хотел так в их возрасте?

– Конечно, счастье! – не сомневаюсь я. – Прожить долго, а на склоне дней приехать с женой в Паанаярви, чтоб любоваться закатом – что может быть лучше?

Влад пожимает плечами и о чем-то задумывается...

Мы подходим к дому, построенному в традиционном стиле. Это Karjalan Talo – карельский дом, где можно услышать рассказ о жизни в здешних местах в прежние годы. Но кто же нам расскажет?

Татьяна Егоровна просит немножко обождать на улице, заходит в дом. Мы располагаемся во дворе у колодца, рассматриваем сушилку для сетей, лодку, стоящую у дома, большой плуг, найденный в этих местах. Вскоре видим, как из трубы над крышей начал виться дымок. Ложимся на траву, глядя в чистое голубое карельское небо, и я вспоминаю, что не смотрел вот так в небо уже много лет.

И вот к нам выходит хозяйка. Татьяна Егоровна? Она и не она. В дом заходила наша знакомая современная женщина в камуфляже, а вышла карельская хозяйка в сарафане, платочке. Кланяется гостям, просит войти.

Но сначала я прошу ее рассказать о наряде, и оказывается, что Татьяна Егоровна сшила его по образцу семейной реликвии, а семья жила хоть и не в Вартиолампи, а в другом селении, но тоже в Лоухском районе. Такой же наряд, сарафан с подкладом, носила в конце XIX века ее прапрабабушка. И бабушка его берегла, в годы войны увозила с собой в эвакуацию. Разве что цвет у нового наряда не тот, новый сарафан пошит из светло-зеленой ткани, а прабабушкин был красным,

но это не главное. Ткань столетие назад была шерстяной, покупной, хотя и здесь пряли шерсть. Чуть позже Татьяна Егоровна показала нам, как овечью шерсть чесали, как сучили нить. В доме стоит старинная прялка в рабочем состоянии.

Украшением наряда служили жемчужные бусы, а жемчуг добывали в здешних быстрых реках, высматривая раковины на дне с помощью длинной берестяной трубки. Жемчуг когда-то служил не только украшением, но и средством платежа, использовался вместо денег.

Татьяна Егоровна показывает карельское коромысло, оно короче, чем традиционные русские, похоже на доску, в которой специально выдолблено место под плечи, сделана выемка для шеи. Мне кажется, что управляться с ним несколько легче, удобнее. Позднее я узнал, что такие коромысла были распространены на Русском Севере, есть они и в Архангельской области.

В доме можно увидеть различные хозяйственные вещи, которые необходимы были местным жителям в их нелегком труде. В сених на стенах висят пилы-лучковки, деревянные

ковши для сбора ягод, хомут, весла. А вот берестяной кошель, заменявший некогда рюкзак, знакомая вещь, их ведь делали еще совсем недавно. Дедушка моей жены, живший на юге Карелии, в Пудожском районе, плел из бересты такие же...

В горнице стоит большая традиционная карельская печь, от русской ее отличает наличие в углу открытого с двух сторон местечка *piisi*, где можно быстро разогреть пищу, а большей частью используемое для освещения – именно здесь вечерами, а зимой и днем, горели мелкие полешки или лучины, давая необходимый свет.

На стенах развернута выставка работ карельского художника Осмо Бородкина, известного многим и многим читателям по его иллюстрациям в

«Калевале». Совсем недавно я видел работы художника на выставке карельской акварели в Музее изобразительных искусств Республики Карелия в Петрозаводске и, конечно, не ожидал встретить их здесь. Но это оттого, что я был плохо знаком с биографией Осмо Бородкина. Суровые неброские краски природы Карелии перешли на его калевальские иллюстрации, поскольку были знакомы художнику с детства. В этих местах, в деревне Оланга, он родился в 1913 году.

Мы слушаем рассказ Татьяны Егоровны, рассматривая люльку и тряпичную куколку, какими играли некогда ребяташки, приглядываемся к старинной ручной кофемолке... Карелы, как и финны, кофе очень любили, да и сейчас любят, а варили, добавляя соль.

Выходим, когда солнце уже собирается садиться, любуемся Киваккой в закатном свете. Высота этой горы составляет 499,5 метра, гора имеет семь вершин, говорят, что до сих пор на поверхности земли можно различить борозды скольжения, оставленные ледником, шедшим с запада. Я не различаю этих борозд, вижу лишь осеннее разноцветье

листвы и хвои по склонам. Побывать на горе тоже хочется, там есть немало интересного, например, висячие болота на склонах в местах выхода родников, или сейды – огромные камни, служившие культовыми местами для древних жителей. Мы прошли только по одному маршруту, а в Паанаярви их несколько. Это дорога на хутор Арола, походы на Кивакку и Нуорунен, прогулка по самому озеру Паанаярви. И хочется побывать везде...

Смотрю на Кивакку в вечернем свете, дунул ветер, с сухим шорохом опадают на землю листья с берез, как опадают суетные желания, растворяясь в умиротворенности природной тишины, которую не нарушает, а подчеркивает отдаленный шум Киваккакоски.

Татьяна Егоровна Юнгина — хозяйка карельского дома

К дому возвращаемся на красном закатном солнце, пылающем сквозь сосны.

А вечером была баня. И мы, напарившись, выбегали на берег Паанаярви, в воде которого отражалось темно-синее небо, в сгустившихся сумерках угадывались очертания острова Раясаари, ныряли с мостков в прохладные сумеречные воды. А потом на небе вновь засверкало северное сияние.

После бани Миша вновь вооружился фотоаппаратами и отправился снимать переливающиеся небеса, а мы с Владом поставили чайник и слушали, как шумит Оланга на недалежном пороге. И Влад сказал:

– Знаешь, здесь все просто замечательно! Только одного не хватает – чтоб рядом была жена. Потому что разделить эту красоту хочется с самым близким человеком.

И я с ним согласен. Только мне до сих пор не верится, что в самом северном районе Карелии в сентябре я купался в озере, да еще под северным сиянием...

Но наше путешествие продолжается, впереди – новый день и новые впечатления.

Кораблик «Оланга» плавно отходит от берега. Мы минуем Раясаари и выходим в открытое Паанаярви. Однако как-то неловко использовать эпитет «открытое», поскольку озеро кажется таким небольшим, уютным, домашним... Оно довольно узко – ширина достигает только полутора километров, а потому и левый, и правый берега хорошо просматриваются. Слева за островом – второй исток Оланги, здесь она шумит на пороге, и этот мягкий шум мы слышим у домика, а впадает она в озеро в другом конце, мы туда не дойдем. Длина озера – 24 километра, мы пройдем только восемнадцать. Справа мы видим зарастающую просеку – это бывшая граница между СССР и Финляндией, существовавшая до 1940 года. Когда идешь по этому уютному Паанаярви, трудно представить, что под килем – 128 метров... Это же сорокatreхэтажный небоскреб! Озеро могло возникнуть из-за тектонического разлома – следствия произошедшего в древние времена землетрясения. Какие стихии здесь когда-то бушевали, какие природные силы сходились в безжалостных схватках! Теперь это можно только угадывать, наблюдая тихие картины. Глубина обеспечивает большой объем воды, которая остывает неспешно, а потому зима на озеро приходит позднее.

Паанаярви за его чистоту называют северным

Байкалом, но я бы воздержался от таких сравнений, думаю, каждая река, каждое озеро, каждое дерево – неповторимы, как неповторим каждый человек. И эпитет «самый» можно применить к каждому озеру. Вот Паанаярви – самое глубокое среди малых озер на территории Фенноскандии.

Сравнивают Паанаярви с фьордом, и это, скорее, не сравнение, а факт. Некогда озеро было связано с Белым морем, было частью длинного, вытянутого на запад фьорда.

Мы идем на прогулочном теплоходе, заменившем старую ладью, виденную нами на вечном причале возле моста через Олангу. Теплоход построен в Петрозаводске, он рассчитан на 20 мест, а нас только пятеро – Татьяна Егоровна с раннего утра успела прошагать шесть километров, чтоб познакомить нас с другими волшебными уголками национального парка. А пятый, или, вернее, первый – это инспектор Валерий Кононов, наш капитан. Валерий прошел Паанаярви сотни раз, он работает в нацпарке пятнадцатый год. Зимой – на шлагбауме, охраняющем въезд в заповедную зону, а летом – на этом корабле. Скорость – 14 километров в час, что позволяет внимательно рассматривать берега.

А на берегах среди леса то и дело попадаются полянки – это места бывших финских хуторов. Вот полянка справа, озерные воды омывают песчаный пляжик. На этом месте сейчас обустроена палаточная стоянка, а от нее идет тропа на хутор Арола, вместе с Вартиолампи являющийся частью краеведческого маршрута. На хуторе восстановлены сауна, дровяник, сарай, установлены информационные знаки, там можно познакомиться с традиционной финской крестьянской культурой, подразумевавшей автономное существование хозяйства. Но нам придется отложить знакомство с хутором Арола до следующего раза.

А пока мы смотрим на поляны, разбросанные по берегам.

– До 1944 года здесь располагалась деревня Паанаярви, одна из самых богатых в общине Куусамо, – рассказывает Татьяна Егоровна. – Но история территории, конечно, глубже.

Вместе со всей Северной Лапландией она вошла в земли Великого Новгорода. Когда Иван III разгромил вольное княжество, территория осталась без хозяев, и потихоньку ее присоединили шведы. Почти столетие земля, можно сказать, пустовала, но в 1673 году Лапландию открыли для переселения и даже предоставляли переселенцам освобождение от всех налогов на 15 лет. На западном конце озера возникло хозяйство

Каллиониими, которое в 1769 году купил у карела Миронова финн Терминен – так здесь появилось первое финское поселение. За ним стали возникать и другие. В 1809 году Финляндия, а с ней и Паанаярви стали частью Российской империи.

Жители возделывали землю, занимались животноводством. Кстати, в одном из хозяйств выращивали лук, причем столько, что его хватало на всю округу.

Конечно, занимались рыболовством. Ходили по озеру под парусами, а в 30-е годы на Паанаярви появилось несколько моторных лодок. Были в деревне мастера – швеи и портные, кузнецы и сапожники. Были торговцы, местные жители покупали в магазине кофе, манку, рис – то, что здесь не вырастить, а кроме того, спички, соль и масло для ламп.

Торговля шла активно, в Оулу вывозили мясо и шкуры оленей. В 20-е годы, когда случались неврожаи, хлеб доставляли на оленьих упряжках из Архангельска. В деревне было более 700 жителей, имелись свои церковь, погранзастава, больница, три школы, четыре магазина, почта, банк, полиция.

Еще с конца XIX века Паанаярви стало модным курортом, «финской Швейцарией». Молодой тогда художник Аксели Галлен-Каллела, впоследствии известный иллюстратор «Калевалы», провел здесь несколько месяцев с семьей и был этим счастлив. Он впоследствии писал: «Гостя с семьей в глуши Паанаярви, я ни разу не скучал, а, наоборот, горел желанием углубиться еще дальше в уютную чащу». Несколько полотен, появившихся в результате этой поездки, хранятся и теперь в Хельсинки...

Перед нами открывается величественная картина – синее озеро, сдавленное с обеих сторон высокими скалами, поросшими соснами, среди которых свечами горят золотые березки. Но вот слева мы видим скалу, на которой стоят лишь редкие деревья. Отчего так? Оказывается, это место восстанавливается после пожара, случившегося в 1992 году от удара молнии. Мне доводилось слышать от экологов, что и лесные пожары могут быть полезны. Но только когда природа самостоятельно определяет место и время этого пожара. Удар молнии – причина естественная. Такой пожар служит своеобразному очищению леса, а после него на это место среди обгорелых деревьев поселяются насекомые, которые только в таких условиях и могут жить. И это служит развитию биологического разнообразия. Однако сейчас девять из десяти пожаров возникают в ре-

зультате деятельности человека, а потому природа страдает гораздо больше, чем это необходимо. Потому с пожарами приходится бороться, в том числе и с теми, которые возникают по естественным причинам. Вот и в 1992 году пожар очень быстро перешел в верховой, когда огонь передавался по кронам деревьев, огнем было охвачено более 70 гектаров леса. В борьбу с огнем вступили пожарные парашютисты, применив для остановки пожара встречный пал. Сейчас природа восстанавливается, а этапы восстановления леса после пожара изучают российские и финские ученые.

Наше судно замедляет ход, мы приближаемся к шестидесятиметровому каменному выступу, это скала Ruskeakallio – красная или коричневая скала. Она напоминает каменный поток, стекающий в озеро. И цвет ее благодаря красным доломитам и оранжевому лишайнику действительно оправдывает название.

Один из выходов скалы слегка темнее других, будто влажный.

– Это место называли Вдовьей скалой, – поясняет Татьяна Егоровна. – Есть и легенда, рассказывающая, что некогда рыбачка не дождалась мужа, вышла на берег да так и окаменела от горя в бесплодном ожидании. Она плачет, а потому и скала влажная.

А может, есть где-то наверху родничок, но легенду разрушать не хочется. Обойти же эти места по суше могут только ученые и – при необходимости – сотрудники парка. Туристам здесь лучше не гулять, не нарушая спокойную жизнь леса. Поэтому мы смотрим на Рускеакаллио с воды.

Вот два узких выступа, и о них тоже есть легенда.

– Однажды сын местного шамана полюбил девушку-беломорчанку, привез ее в дом. Но чем-то шаману невестка не приглянулась, а может, позабавил он сына и велел прогнать девушку. Парень же так ее любил, что не мог с ней расстаться, и молодые решили бежать. Шаман пустился в погоню и настиг их прямо на этом берегу. «Вы хотите быть вместе? Нет! Вы будете рядом, но вместе – никогда!» – с этими словами жестокий старик обратил их в камень.

Несколько десятков метров разделяют два выступа скалы. Приглядевшись, можно увидеть в правом фигуру парня, а в левом – девушку в сарафане...

Корабль подходит к месту стоянки. Видим дровяник, а рядом сосну с длинными оголенными корнями, с определенной точки кажется, что это

дровяник стоит на них как избушка на курьих ножках.

Причаливаем неподалеку от устья Мянтю – одной из шести рек, впадающих в Паанаярви. Мянтюйоки – порожистая, здесь водится форель. Переходим реку по мостику, установленному в метре над водой. Во время разлива случается, что вода сносит этот переход, и его вновь восстанавливают.

По корням, присыпанным сосновыми иглами, идет пружинистая тропинка, окруженная деревьями, давшими название реке. Мянтю – это сосна, и речка проложила себе русло в чаще зеленых великанов. Кстати, хоть на берегах Паанаярви и жили люди, нетрудно увидеть, что природа здесь древняя. В национальном парке есть хвойные деревья, возраст которых достигает 450 лет, они помнят, как здесь возникали первые поселения.

Не только сосны окружают тропинку, вот мы минуем небольшой участок маленьких ив и осин.

– Это лосиная столовая, – поясняет Татьяна Егоровна. – Присмотритесь, все верхушки деревьев объедены лосями.

Еще несколько шагов, и – ох! Красота какая! Невольно замираем, увидев пятиступенчатый водопад Мянтюкоски. Он совсем не похож на водопад под Киваккой, гораздо уже, но в нем есть неповторимая прелесть, не зря его изобразил на одном из своих полотен Галлен-Каллела. Жемчужиной Карелии называют известный водопад Кивач, но «Паанаярви» показывает, что такого «жемчуга» в Карелии – россыпи. Говорят, высота Мянтюкоски – восемь метров. Не знаю, ошибаюсь ли я, но мне кажется, что она в два раза больше.

Местные жители использовали силу реки и поставили здесь мельницы. Остатки нижних звеньев сруба и сейчас выступают от берега, разбухая от хлопьев пены и брызг. К водопаду по крутому, покрытому черничником склону горы ведет удобная лесенка, я спускаюсь и смотрю на песчаное дно Мянтюйоки. Моя тень хорошо видна на нем сквозь рябь воды. И вдруг рядом на дне вырастает тень другого человека. Невольно вздрагиваю – не хозяин ли давно разрушившейся мельницы пришел взглянуть на незнакомцев. Оборачиваюсь и не вижу никого за своим плечом, только несколько секунд спустя понимаю, что эта вторая тень – от Татьяны Егоровны, стоящей выше на лесенке в нескольких метрах от меня. Лесной полумрак, журчание Мянтюкоски, остатки старой мельницы на берегу, рябь речной воды и вырастающая рядом с моей тень на желтом песчаном дне, как напоминание о том, что прошлое и нас-

тоящее в таких местах тесно переплетаются... Трудно забыть такую картину.

Водопад сам – как узкая лестница с гигантскими каменными ступенями, на которых высоко подпрыгивают воздушные клочья пены, будто желающие вырваться из водной среды, взлететь, но, рожденные в водной стихии, вновь падают и разбиваются о камни. Мы поднимаемся чуть выше и видим на противоположном берегу каменную стену, вдоль которой низвергается вода. Скала освещена солнцем, а сам водопад уже прячется в тени высоких сосен. Следующий уступ, и новое лесное чудо – над водой расцветает маленькая радуга...

Поднимаюсь еще выше на гору. Нет, на водопад лучше смотреть снизу, но зато отсюда можно увидеть, как торопливо бежит меж деревьями Мянтюйоки, спеша раствориться в спокойных водах Паанаярви.

Некоторое время, пока греется чайник на костровище, мы гуляем по берегу. Пройдя узкой тропкой, выходим к остаткам фундамента школы, в которой учились окрестные дети. Кроме фундамента от нее ничего не осталось, в угадываемых классных комнатах подрастают осинки и сосенки.

Школа была двухэтажной, на втором этаже располагался интернат для тех, кто жил далеко. На некотором отдалении стоял цех по производству щепы, дети могли подрабатывать на упаковке и получали немного денег, будучи счастливыми от того, что могут помочь своим родителям.

Крутой берег Паанаярви от школы нынче зарос соснами, когда-то он был открытым, зимой ребята на лыжах съезжали на лед.

Обо всем этом рассказывают Татьяне Егоровне финны, приезжающие навестить родные места. Многое здесь связывает их с детством: первые радости и горести, первая любовь, первые уроки. Один из гостей рассказывал:

– Однажды я вон в том углу стоял два часа! Дело было в декабре, на льду выступила вода. Я толкнул девочку, и она замочила валенки. Учительница валенки высушила, а меня наказала. И тогда я на всю жизнь запомнил, что девочек толкать нельзя – ни на льду, ни на земле.

Бывает, приезжают сюда и потомки тех финнов, что жили тут раньше. Молодой парень как-то набирал воду в Мянтюйоки, чтобы крестить своего малыша. А один из прежних жителей сказал Татьяне Егоровне:

– Татьяна, к вам приезжают люди из разных стран, люди разных национальностей. Ты говори

им – пусть умоются у Мянтюкоски или попьют водички, потому что эта вода – святая.

Наверное, здесь нет смысла размышлять о том, почему так происходит, что люди лишаются своей родины. И на этих землях не раз менялись племена и национальности. Но история бывает безжалостна к человеку, и мы можем только посочувствовать этому конкретному человеку, приезжающему в места, где родился, только ненадолго в гости.

И об этом мы беседуем за фирменным чаем Татьяны Егоровны. Собственно, это не чай – в чайнике заваривались вереск и чабрец, иван-чай и малина, а также изрядная порция брусничного листа, добавленная Владом. И было вкусно!

Вернувшись, мы отдыхали недолго. Быть на озере, где ходят кумжа и хариус, и не порыбачить – такого позволять себе нельзя! Пусть мне жаль причинять рыбе боль, пусть Мише интереснее снимать процесс рыбалки, чем самому тягать рыбу, но мы таки взяли моторку и вновь вернулись на озеро. Нас напутствовали инспекторы и Доктор, который рассказал, что в прошлом году прямо здесь рядом – между берегом и островом – жила огромная древняя щука, гонявшая уток. Однажды Доктору удалось зацепить ее на блесну, щука долго не показывалась, но наконец выплыла у лодки и сурово косилась на того, кто попытался ее потревожить. А после мотнула головой, оборвав губу, и скрылась в глубине... Такая вот местная Несси живет в заливе.

Спросили у инспекторов, будет ли клев и где лучше ловить.

– Сегодня вернувшийся рыбац сказал, что поклевка была, но рыба сорвалась. А рыбачить – вон от первого хутора до третьего вдоль берега!

Интересно, что крестьянских хозяйств давно нет, только зарастающие полянки о них напоминают, а люди все равно называют эти места хуторами.

Ничего мы не поймали. Однажды мне показалось, что была поклевка, но это блесна зацепила траву. Возвращаясь, увидели на берегу рыбаков, тягавших на удочку хариусов и плотву. И когда мы с Михаилом отправились отдыхать, рыбацкая душа Влада не выдержала. С удочкой он отправился на берег к рыбакам. Червей у нас не было, не водятся они и в парке, но Влад стрельнул опарышей у щедрых рыбаков. И вытащил все-таки пару окушков, которых рыбакам и оставил. В общем, теперь я честно могу говорить, что рыбачил на Паанаярви.

Вечером мы долго смотрели на звездное небо, над нами плыли Большая Медведица, Кассиопея, Млечный путь и множество созвездий, названий которых я не знаю.

Утром нас ждала обратная дорога. У шлагбаума на границе парка мы постояли, бросив прощальный взгляд на Кивакку.

□

Вениамин Алексеевич СЛЕПКОВ

родился в 1969 году в Петрозаводске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Член Союза журналистов с 1991 года.

Работал корреспондентом, заведомом, редактором в газетах Карелии.

В настоящее время – редактор отдела публицистики журнала «Север».

Автор многих книг прозы, поэзии, публицистики.

В журнале «Север» публикуется с 2009 г.

